

Д. С. Мартьянов

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХИКА: РЕВИЗИЯ ПОДХОДОВ К СТРУКТУРЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Статья посвящена концептуализации основных категорий отечественной политической науки, связанных с феноменом политического сознания. Автор выделяет основные проблемы использования термина «политическое сознание». Сопоставляются подходы к определению политического сознания, дается авторское определение. Рассматриваются подходы к структурированию. Автор анализирует категории политического бессознательного, политической психики и политического менталитета для оптимизации структуры политического сознания. Библиогр. 36 назв.

Ключевые слова: политическое сознание, общественное сознание, политическое бессознательное, политическая психика, политическая идентичность, идентичность, сознание, бессознательное, общественное мнение, менталитет.

D. S. Martyanov

POLITICAL CONSCIOUSNESS, POLITICAL UNCONSCIOUS AND POLITICAL PSYCHE: REVISION OF APPROACHES TO THE STRUCTURE AND DEFINITION

The article is devoted to conceptualization of basic categories of Russian political science related to phenomenon of political consciousness. The author identifies the basic problems of the use of the term “political consciousness”. Approaches to the definition of political consciousness is examined, the author's definition is given. The approaches to structuring are considered. The author analyzes the concepts of “political unconscious”, “political psyche” and “political mentality” to optimize the structure of political consciousness. Refs 36.

Keywords: political consciousness, public consciousness, political unconscious, political psyche, political identity, identity, consciousness, unconsciousness, public opinion, mentality.

Проблема методологической конвенциональности в отношении политического сознания. Статус категории «политическое сознание» в постсоветской политологической школе является незыблемым, что подчеркивается как тем, что данная категория составляет один из центральных элементов предметного поля специальностей «политическая социология» и «политическая психология» согласно формулам, установленным ВАК при Минобрнауки РФ, так и тем, что эта категория служит заглавиями структурных блоков многих учебников по политологии [1–2].

Устоявшаяся в отечественной науке иллюзия незыблемой конвенциональности в отношении определения содержания и структуры политического сознания, выражающаяся в итеративном изложении одной парадигмы в учебниках, статьях и диссертациях по политологии и социологии, входит в противоречие с тем, что, как отмечает Дж. У. Фартинг, сам концепт сознания *в целом* является скорее «подразумеваемым, нежели определенным» [3].

Мартьянов Денис Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; dsmartyanov@mail.ru

Martyanov Denis S. — Ph.D., Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; dsmartyanov@mail.ru

В то же время существует ряд проблем, связанных с этим термином. Ключевая среди них — проблема носителя данного сознания. Бесспорно утверждение о том, что политическим сознанием обладает человеческий индивид. Однако вопрос об обладании политическим сознанием группами лиц ставится под сомнение. Так, например, Е. Ю. Мелешкина, говоря о такой устоявшейся в советской обществоведческой школе категории, как «массовое сознание», отмечает, что «рассматривать «массовое сознание» как научную категорию едва ли уместно» и можно использовать ее лишь в качестве метафоры, поскольку она отражает «сложный субъект политического процесса» [4, с. 132–133]. С точки зрения социологии такую критику, во многом созвучную идеям П. Бурдьё, можно охарактеризовать как крайне номиналистскую, а поэтому близкую по углу рассмотрения скорее психологии, нежели социологии. Безусловно, она буквально перечеркивает почти все то, что относится, во-первых, к советской марксистской обществоведческой традиции, в которой политическое сознание выступало как форма общественного сознания, характерного в свою очередь как раз для сложных, т.е. коллективных акторов, и, во-вторых, к тому, что составляет классику социологического реализма, в том числе базовые идеи теории Э. Дюркгейма. В то же время Н. П. Поливаева, напротив, использует категорию «политическое сознание общества» [5, с. 59] как научную. Таким образом, налицо радикальный разрыв в подходах, обусловленный пропастью между номиналистской и реалистской интерпретациями политического сознания и общества как такового.

Современные проблемы концептуализации политического сознания. Категория «политическое сознание» имеет ряд проблем в плане ее концептуализации. *Первая проблема* состоит в ее одновременной фундаментальности и абстрактности. Политическое сознание относится к числу крайне тяжело операционализируемых категорий в силу размытости его содержания. С определенной стороны использование подобной категории является положительным моментом, поскольку позволяет комплексно изучать в рамках одного феномена целый ряд когнитивных аспектов политического. Однако на настоящий момент единых подходов к концептуализации и операционализации политического сознания в политической науке не выработано. При этом важна претензия категории политическое сознание на одно из центральных мест в политологии. В этом смысле она содержательно предполагает восприятие субъектом той части окружающей его действительности, которая связана с политикой и в которую включен он сам, а также связанные с ней действия и состояния [5, с. 34; 6, с. 103].

Вторая проблема заключается в том, что данная категория сформировалась в рамках отечественной советской политологической школы, в то время как в зарубежных странах она не получила широкого распространения. Западная политическая наука выражает когнитивные аспекты политического через категории «менталитет», «аттитюды», «установки», «идеология» и т. д. Используются категории «политические убеждения», «вера». Другим аспектом этой проблемы является то, что, будучи связанным с другими формами общественного сознания, политическое сознание требует разграничения его с нравственным и правовым сознанием. Это отягощается тем, что марксистское понимание предполагало как раз не просто рациональные интересы того или иного класса, но и морально-этические аспекты, поскольку сознание изучалось в контексте категории «сознательность» [7, с. 54].

Третья проблема кроется в том, что политическое сознание недостаточно четко содержательно отделено от ряда других базовых понятий, используемых уже в отечественной политической науке. Наиболее сложной представляется дифференциация категорий «политическое сознание» и «политическая культура». Существуют проблемы в разделении категорий «политическое сознание» и «политическая идеология».

Четвертая проблема состоит в том, что развернутой комплексной интерпретации политического сознания, как отмечает Н. П. Поливаева, в российской и советской обществоведческой науке не представлено. В качестве подходов, которые релевантны исследуемой тематике, выделяют вебериянский (идеально-типический) подход, цивилизационный и социокультурный подходы [5, с. 58–59], однако нельзя говорить о том, что они раскрывают генезис политического сознания и производят анализ его структуры в полной мере.

Пятая проблема заключается в том, что поскольку, как уже отмечалось, термин «общественное сознание», формой которого является сознание политическое, привнесен в политическую науку из марксистской философии, при использовании научных методов в контексте междисциплинарных исследований и категориального аппарата из социологии, психологии и т. д. возникают проблемы наслоения отдельных подходов и сложно совместимых концепций. Как будет отмечено ниже, например, сочетание психологического подхода и марксистской философии требует либо игнорирования структуры психики, либо серьезной реконцептуализации марксистского термина.

Шестая проблема связана с дифференциацией внутри самого общества. Поскольку, на наш взгляд, общество не следует рассматривать ни с радикально-номиналистской, ни с радикально-реалистской точек зрения, что предполагает отношение к обществу как к целому, но сложному феномену, важно понимать, что и общественное сознание в таком случае будет соотноситься с индивидуальным сознанием в разных точках социального пространства и в разное время [8] по-разному. И хотя разрешение именно этой проблемы имеет высокий потенциал к попыткам успешной операционализации политического сознания, при условии изменения выявления плотности связей между политическим сознанием общества и групповым и индивидуальным политическими сознаниями, именно этот вектор исследования наименее проработан, в том числе в силу наслаивания категории «общественное мнение» на феномен политического сознания. В то же время именно политическое сознание (включая классовое сознание) является ключом для измерения степени групповости [9] или «уровня солидарности» [10, с. 37]. Данная проблема, конечно, в определенной степени решается в рамках измерения политической идентичности, однако в таком случае исследователи зачастую уходят от операционализации собственно политического сознания.

Определение политического сознания. Исходная категория марксистской парадигмы «общественное сознание» была привнесена в философский и научный дискурс В. И. Лениным и А. А. Богдановым. Параллельно введенное Э. Дюркгеймом в социологию понятие «коллективное сознание» фактически существовало само по себе. Обычно политическое сознание, как и общественное, выражают в марксистском философском ключе через понятие «отражение» (как отражение общественного бытия), в дальнейшем присоединяя для уточнения один из элементов

политического. Н. П. Поливаева выделяет подход к политическому сознанию, который расширяет данную категорию до отражения экономических и политических отношений, тем самым расширяя область политической сферы до политико-экономической. Также существуют попытки определить данный феномен через категории политической системы и политической власти. Политическое сознание отражает, с этой точки зрения, институты власти, политического господства и управления [5, с. 33–37].

Марксистский (или классовый) подход является парадигмальным в отечественной политологии и по содержанию «охватывает все представления людей, опосредующие их объективные связи как с институтами власти, так и между собой по поводу участия в управлении делами государства и общества» [5, с. 35]. Н. П. Поливаева выделяет вебериянский, цивилизационный и социокультурный подходы, однако не приводит собственно содержания определений в рамках этих подходов.

С. А. Храпов отмечает при этом необходимость «двойного», т. е. гносеосоциологического подхода (или макроподхода) к сознанию, в рамках которого реализовывался бы «гносеологический подход к сознанию» и решались бы посредством социологического анализа познавательные проблемы [11, с. 200–206]. Однако предложенное им самим определение скорее является попыткой интегрировать частности, нежели выявить суть феномена. Таким образом, политическое сознание превращается из нуждающегося в операционализации явления в абстрактный интегральный индекс.

В рамках марксистской парадигмы устоялась точка зрения, предполагающая, что политическое сознание следует понимать так же, как и активное начало в политике, имманентное социальным субъектам. Таким образом, политическое сознание объединяет в себе качества субъекта и объекта. Это позволяет расширить содержание политического сознания: «исторически обусловленное отражение и *выражение* (в идеологии и психологии различных субъектов) объективных отношений и процессов внутренних и внешних факторов функционирования государства и политических институтов» [5, с. 40].

Отмечая важность последнего дополнения, следует отметить, что концептуализация понятия «сознание» через термин «отражение» не слишком удачна по причине того, что «отражение» имеет скорее процессуальные, нежели феноменологические коннотации. Сознание предстает либо как сам процесс, либо как его результат, в достижении которого само сознание активного участия не принимает. Как отмечает Р. М. Нугаев, рассмотрение сознания сквозь призму бытия предполагает, что «источники развития общественного сознания лежат в общественном бытии, что на “на самом деле” развивается только последнее, а общественное сознание своей истории не имеет» [12, с. 21]. В таком смысле и анализ сознания следовало бы проводить исходя не из структуры и функций, а следуя принципам сенсуализма и весьма упрощенной бихевиористской формулы «стимул — реакция». Таким образом, определение сознания как «отражения» в принципе нивелирует значение данного феномена, поскольку фокусы исследований будут направлены либо на «вход» сознания, либо на его «выход», игнорируя сам «непостижимый» феномен. Кстати, как нам кажется, во многом именно этим и обусловлены проблемы научного структурирования политического сознания как такового. Например, анализ входа сознания скорее имеет отношение к анализу опыта, который,

как замечает П. Карразерс, может иметь как сознательную, так и бессознательную природу [13–14].

Т. Нагел, рассуждая о сознании как феномене в целом и основываясь на принципе «на что это похоже?», приходит к поразительно точной, хотя и лежащей на поверхности мысли: наиболее фундаментальным и общим определением сознания является *состояние осознаваемой субъектности, «точки зрения от первого лица»* [14–15]. При этом само сознание предстает не просто как состояние ума, а его *способность к рациональному и имеющему причину управлению* речью и действиями [15–16].

Таким образом, перенося данные сущностные определения сознания как феномена в целом на политическую сферу, мы можем дать ему следующее определение. **Политическое сознание** — это характеристика субъектности, способная на основе имеющегося опыта продуцировать обусловленные причинами *легитимные для коллективного субъекта политические оценки, а также рациональные (контролируемые субъектом) идеи и действия.*

Именно политическое сознание, которое приходит в состояние *осознаваемости* в процессе политической идентификации, способно породить *точку зрения* — общественное мнение. Разумеется, о политическом сознании общества или сообществ, групп, классов говорить можно лишь в той степени объективно, в какой возможно говорить о коллективных политических субъектах как таковых.

Структурные аспекты политического сознания. Существует множество подходов к структурированию политического сознания, поэтому в рамках данной статьи мы остановимся лишь на некоторых из них. Классическим еще для советской политологической школы является выделение двух уровней или (что более корректно) сфер политического сознания: нижнего (политической психологии) и высшего (политической идеологии). Политическая психология, охватывая эмоционально-чувственную и эмоционально-волевые формы отражения, представляет собой совокупность «настроений, привычек, мотивов поведения и типичных черт характера, а также социально-политических ориентаций, установок, ориентаций». Политическая идеология предполагает рационально-логические аспекты [5, с. 42–43].

А. А. Борисенков полагает, что установки, ориентации, ценности, стереотипы входят в структуру не политического сознания, а идейного сознания, которое «формируется на основе политического сознания, надстраивается над ним и служит формой выражения особого духовного отношения человека к политике». Согласно Борисенкову, «идейное сознание, складывающееся по поводу политики, нельзя называть политическим, поскольку его содержание состоит не из политических знаний», несмотря на то, что в политической науке уже успела закрепиться такая структура политического знания. Само же политическое сознание, по Борисенкову, выражается в политических знаниях, таких, какие, например, задействуются в политологических исследованиях. На наш взгляд, подобный подход излишне радикален. Автор делает ошибочный вывод о том, что «политическая наука... совсем не включает в свой состав социологические, а также философские, психологические и т.д. знания, которые относятся к другим направлениям познавательной деятельности, хотя и может опираться на них» [17]. В связи с этим неприемлемым представляется и авторское понимание политической идеологии. Выделение идейного сознания (или идеологической сферы политического сознания) на основании его необъективности в отдельный вид сознания также представляется

неправомерным в силу сложности нивелирования аксиологических аспектов в политической науке, тем более что сам автор признает, что «политическое сознание неизбежно несет на себе печать субъективности, подтверждая заодно, что всякое сознание субъективно» [17].

Однако, на наш взгляд, не следует стремиться и к обратному, а именно выделению в качестве базового структурного блока — идеологического. Дело здесь как в том, что в качестве «материала строительства» используется не самая надежная категория и в плане четкости дефиниции (в этом контексте идеология является одной из самых дискуссионных в политологии), и в плане трансформации феномена идеологии (речь о векторе деидеологизации), так и в дискуссии вокруг замены политики идеологии политикой идентичностей [18, с. 78]).

Н. А. Баранов выделяет два блока элементов политического сознания: мотивационный и познавательный. К мотивационным элементам относят политические потребности, ценности, установки, чувства и эмоции, а познавательные — знания о политике, информированность, потребность участия в политической жизни и связанный с этим интерес к политическими явлениям, убеждения. Такая структура представлялась бы гораздо более комплексной и имеющей лучший потенциал для дальнейшей операционализации, если бы не сложность, как признает сам Н. А. Баранов, выделения отдельных элементов политического сознания в чистом виде и однозначность отнесения их к структурным блокам, так как они «тесно переплетаются между собой, оказывая друг на друга взаимное влияние» [19, с. 83]. Также отметим, что, на наш взгляд, к разным блокам одновременно относятся и элементы сознания, и элементы бессознательного.

По степени систематичности содержания обычно выделяют специализированный, обыденный и массовый уровни политического сознания [20, с. 48]. Более простую структуру политического сознания предложил А. Г. Суслопаров, выделивший эмпирический и теоретический уровни. Эмпирический уровень связан с повседневным опытом взаимного общения, в то время как на теоретическом уровне осуществляется осмысление эмпирической базы с помощью категориального аппарата [21].

Носителями специализированного (теоретического) политического сознания являются специально подготовленные люди. Оно, как правило, содержательно однородно, поскольку вырабатывается сравнительно небольшой группой людей. Обыденное политическое сознание формируется стихийно под влиянием среды; факторами его формирования выступают индивидуальные и групповые потребности, установки и интересы. В обыденном политическом сознании смешаны слухи, мифы, результаты деятельности медиа, в силу чего его можно охарактеризовать как отрывочное, поверхностное и бессистемное [22, с. 137]. В свою очередь, от специализированного (научно-теоретического) политического сознания обыденное отличается тем, что строится по принципу «вокруг субъекта» [23].

Термин «массовое сознание» имеет определенные проблемы в концептуализации в связи с широким и узким пониманием термина «масса», предполагающими соответственно либо сознание больших масс людей, либо специфическую форму обыденного сознания, сформировавшуюся под действием масс-медиа. Массовое политическое сознание одновременно связано как с идеологическими знаниями, так и с практикой массовых социальных групп [24, с. 179]. Носителем массового

сознания является типизированный и стандартизированный «человек массы» или сама масса, в то время как носителем обыденного сознания выступает уникальный индивид, социальная группа или общность.

Краткий обзор имеющихся подходов показывает, что зачастую в структуру уровней, элементов и блоков политического сознания включают элементы, которые относятся не к собственно сознанию, а к бессознательному, поэтому для выявления более адекватного подхода к структурированию политического сознания необходимо рассмотреть категорию «политического бессознательного».

Политическое бессознательное. ВАК, определяя предметное поле специальности «политическая психология», использует термин бессознательное только для отдельных индивидов и включает в объект «политическое сознание и бессознательные реакции как рядовых граждан, так и политических лидеров, функционеров политических партий, сторонников движений, групп давления, парламентских фракций и других участников политических процессов». Специальность «политическая социология», которой на «откуп», видимо, отдаются коллективные формы бессознательного, в формуле специальности термина «бессознательное» не содержит.

С одной стороны, структуралистский подход должен скептически относиться к выделению социального (в том числе политического) бессознательного, поскольку в фрейдистской структуре бессознательное (*id*) противопоставлено *superego* — воплощению социального. Однако такое выделение возможно при других акцентах. «Сознание, являясь социальным компонентом психики, основывается на знании и рациональных механизмах интерпретации». О. Е. Радченко и ее соавторы отмечают важность выделения социального бессознательного для выявления таких структур психики, которые характерны для людей, которые принадлежат к одной социальной группе [25, с. 148]. Другими словами, так же, как и у сознания, у бессознательного есть свой коллективный носитель. Социальное бессознательное, как система интерпретации, позволяет членам группы одинаково интерпретировать действительность. О. Е. Радченко отмечает связь бессознательного с мифологическим, поскольку бессознательное способствует идеализации образа группы. Мифологический компонент массового сознания, по Радченко, базируется на бессознательном [25, с. 148]. «Социальное бессознательное, будучи готовым воспринять любую информацию, которая бы соотносилась с уже заложенной в нем, игнорирует истину и не проводит работу по осмыслению и оценке новой информации. Более того, именно на бессознательном уровне возможно игнорирование противоречий между вновь поступающей информацией и уже имеющимися сведениями» [25, с. 152].

Так или иначе, но в настоящий момент термины «социальное бессознательное» и «политическое бессознательное» уже успели закрепиться в социологии и политологии, хотя, безусловно, далеки от полной ясности с точки зрения своего содержания. В широком смысле бессознательное предполагает продуцирование такого поведения, в котором субъект не отдает себе отчета. Бессознательное находит воплощение в идентификации «других» в системе социальных дистанций, а также в массовом поведении, социальном эскапизме, интерпретации символических систем [26, с. 17–26]. Формой мышления, связанной с бессознательным, является мифологическое мышление. Элементами бессознательного выступают стереотипы, поскольку они упрощают мышление за счет его иррационализации. К бессознательному следует относить и габитус Бурдьё, поскольку подчинение практикам

и нормам происходит неподотчетно сознанию. Носителями же активизированного массового бессознательного выступают маргинальные слои общества, объединенные в стихийные группы [27].

Р. М. Нугаев в блестящем аналитическом обзоре «Социальное бессознательное в структуре общественной идеологии» отмечает, что социальное бессознательное проявляет себя в «оговорках, описках... социального дискурса». Несовпадение реальности и идеологии приводит к бессознательному состоянию «идеологического сна», включающего сущность неосознаваемых механизмов действия идеологии [12, с. 5]. Согласно Ж. Лакану, «законы построения... бессознательного в точности совпадают с основополагающими законами построения дискурса» [28, с. 75]. Лакан выделяет два уровня дискурса: значение дискурса и фантазию. Таким образом, позади осознаваемого идеологического значения обнаруживается политическое бессознательное. В свою очередь, С. Жижек говорит о том, что при идентификации сознания с определенным дискурсом, оперирующим категориями смысла и значения, бессознательное в виде фантазии, оперирующей категориями наслаждения и нехватки, играет гораздо большую роль, чем идеологическое значение дискурса. Бессознательное (фантазия) функционирует как скрытое и неартикулируемое значение дискурса [29, с. 33–34].

Автор работы «Политическое бессознательное» Ф. Джеймисон [30] исходит из идеологической обусловленности сознания индивидов и из непроясненности, неосознанности своего положения. «Особенно эта политическая неосознанность характерна для писателя, имеющего дело с таким культурно опосредованным артефактом, как литературный текст, представляющим собой «социально символический акт... любой писатель при своей обязательной политической ангажированности оказывается неспособен ее осознать в полной мере» [31]. Таким образом, политическое бессознательное находит выражение в *идеологически закодированных текстах* [31]. При повышенной напряженности в обществе возникает недостаточность сознательных процессов, что приводит к усилению политического бессознательного, усилению роли архетипических образов и социальных мифологем [27, с. 163–164].

Политическая психика VS политический менталитет. Проблемным при рассмотрении политического сознания как отражения оказывается его отграничение от категории «политическая психика». Хотя, как признает Д. В. Ольшанский, данный термин не является общепризнанным, именно его он рекомендует использовать «для определения политико-психологических особенностей основных психических функций и процессов» «за неимением лучшего» [32]. Концептуализация «политической психики» более характерна для политической психологии и политологических подходов в целом, нежели для чисто психологических подходов, поскольку психология политики «упирала на то, что, в конечном счете, у субъекта политики нет какой-то особой “политической психики”, для изучения которой была бы необходима специальная дисциплина» [32]. Одним из первых, кто использовал термин «политическая психика» в одноименной работе, стал британский психотерапевт Э. Сэмюэлс [33], однако его концептуализация соотносится скорее с прикладным психотерапевтическим значением термина, поскольку Сэмюэлс старается связать терапевтические аспекты с политической сферой и не претендует на структурный анализ «коллективной души». При этом речь в его работе идет о глубинной психологии, которая в первую очередь имеет дело с бессознательным.

Под психикой в целом понимают как раз «человеческий разум, сознание и бессознательное» [34], что подчеркивает необходимость экстраполяции данной категории в политическую науку в качестве инструмента для структурирования политического сознания и бессознательного.

Отметим, что отождествление терминов «политическое сознание» и «политическая психика», которое до некоторой степени имеет место быть в современной политологии, приводит к тому, что политическое сознание в таком случае неизбежно «раздваивается» на широкое и узкое понимание, первое из которых будет включать в себя и политическое бессознательное, а второе будет отграниченным от него. В то же время под политической психикой понимают *«особую форму активного отражения субъектом общественно-политических процессов и явлений, возникающую в социально-политическом взаимодействии этого субъекта с внешним миром и осуществляющую в его поведении (деятельности) регулятивную функцию»* [35]. Поскольку данное определение мало отличимо от большей части концептуализации политического сознания, очевидно, что содержание последнего должно быть переосмыслено.

Задача была бы упрощена, если бы термин «политическая психика» априори включал в себя политическое сознание, как это представлено у К. Дж. О'Коннора в отношении психики и сознания в целом. Однако, например, В. Л. Бозаджиев, давая определение психики как «отражения», не включает туда сознание, выделяя в качестве основных блоков политической психики когнитивный блок (политическое восприятие, политическая память, политическое мышление, политическое воображение); эмоционально-волевой блок; блок политического поведения [35, с. 212], хотя и учитывает в психике отдельные аспекты, характерные для сознания, но не разводит две категории. При этом сам автор не игнорирует, как это могли бы делать, например, зарубежные исследователи, термин «политическое сознание». Бозаджиев отмечает, что такой структурный элемент политической психики, как политическое мышление, обуславливается «прежде всего установками, целями и ценностями, определяемыми *политическим сознанием* и политической культурой» [35, с. 212].

Невозможно заменить категорию «политическая психика» дефиницией «политический менталитет». С. А. Храпов в своей весьма скрупулезной аналитической работе выделяет в политическом менталитете как раз два искомых уровня: бессознательный (архетипы, мифы, установки, габитус) и актуальный, подразумевающий сознание, правда, включающий и некоторые бессознательные элементы, актуализированные в текущий момент [36, с. 216]. Однако, даже закрывая глаза на аморфность границ и критериев между бессознательным и актуальным, нельзя отказаться от коннотаций самого термина «менталитет», предполагающих его соотнесение скорее, во-первых, с национальными, этническими и культурными, нежели сугубо политическими группами, а во-вторых, в первую очередь с индивидуальным сознанием. Также менталитет зачастую соотносится не с субъектом, а с историческим периодом безотносительно к коллективному субъекту (например, «менталитет холодной войны»). Впрочем, несмотря на ряд минусов, использование понятия «менталитет» имеет и свое преимущество сравнительно с понятием «психика» в силу того, что оно в большей степени ориентирует на групповые феномены и уже в какой-то степени укрепилось в российской политологии. Однако,

поскольку менталитет не сможет заменить категорию «политическая психика» на микроуровне анализа, на наш взгляд, в целом он имеет более сомнительную полезность.

Как мы полагаем, современное переосмысление категорий сознания, бессознательного и психики в контексте политики требуют создания единой унифицированной схемы структурирования, независимо от научной или дисциплинарной специфики. Для этого необходима последовательная концептуализация термина «политическая психика» как интегрирующего политическое сознание и политическое бессознательное. Это неминуемо приведет к определенному разрыву с марксистской традицией, однако выглядит меньшим злом в сравнении с шизофренической дуализацией категории «политическое сознание», одновременно выступающей и как сущность, включающая бессознательное, и как явление-антипод в отношении политического бессознательного.

В этом же ключе необходимо переосмыслить и более жестко структурировать отдельные элементы общественного сознания в рамках общей структуры политической психики индивида и общества. Поскольку структурирование политической психики на сознание и бессознательное затронуло и уровень идеологии, и уровень психологии, логично распределить отдельные элементы внутри сознательного и бессознательного уровней. Так, логичным выглядит отнесение значения дискурса и рациональных мотивов поведения на уровень сознания, а фантазии и эмоций, мифов, стереотипов — на уровень бессознательного. Возможно и создание координатной типологии политической психики на основании целого ряда критериев, включая, например, деление на теоретический и обыденный уровни и сознательный и бессознательный уровни.

Литература

1. Демидов А. И., Федосеев А. А. Основы политологии: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1995. 271 с.
2. Общая и прикладная политология: учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова М.: Моск. гос. социальный ун-т; Изд-во «Союз», 1997. 992 с.
3. Farthing G. W. The Concept of Consciousness. URL: <http://www.smccd.edu/accounts/larson/psyc390/Docs/Concept%20of%20Consc%20Ch%201.pdf> (дата обращения: 17.12.2014).
4. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. Сб. учебных материалов / под ред. Мелешкиной Е. Ю. М.: Изд. Дом «ИНФРА-М»; «Весь Мир», 2001. 304 с.
5. Поливаева Н. П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: дис... докт. полит. наук. М., 2009. 462 с.
6. Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. 431 с.
7. Смолина Ю. В. Тоталитарное политическое сознание: дис... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2003. 144 с.
8. Рубцова М. В., Мартыянов Д. С., Мартыянова Н. А. Профессиональные и экспертные сообщества как субъекты управления в контексте общества знания // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2013. Вып. 1. С. 69–74.
9. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
10. Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 258 с.
11. Храпов С. А. Индивидуальное и общественное сознание: гносеологические и онтологические аспекты взаимодействия // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. № 8. С. 200–206.
12. Нугаев Р. М. Социальное бессознательное в структуре общественной идеологии. М.: Российский ун-т кооперации, 2008. 208 с.

13. Carruthers P. Phenomenal Consciousness. Cambridge (MA): Cambridge University Press, 2000. 368 p.
14. Gennaro R. J. Consciousness // Internet Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://www.iep.utm.edu/conscious/> (дата обращения: 12.12.2014).
15. Nagel T. What is it like to be a Bat? // Philosophical Review. 1974. 83. P. 435–456.
16. Block N. On a Confusion about the Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. 18. P. 227–247.
17. Борисенков А. А. Особенности политического развития // NB: Философские исследования. 2013. № 6. С. 171–198. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_227.html (дата обращения: 10.06.2014).
18. Мартыанов Д. С. Виртуальные идеологии и кризис идеологий в информационном обществе // Учен. зап. Забайкальск. гос. гуманитарн. педагогич. ун-а им. Н. Г. Чернышевского (Чита). Сер. Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. № 4. С. 77–83.
19. Баранов Н. А. Трансформация политического сознания современного российского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Т. 3, № 1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. С. 82–98.
20. Амиров Д. Ю. Социально-философский анализ обыденного политического сознания: дис. ... канд. филос. наук. Невинномысск, 2010. 175 с.
21. Сулопаров А. Г. Место и роль политической культуры в системе политического сознания: дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 1995. 155 с.
22. Щербинин А. И. Вхождение в политический мир (теоретико-методологические основания политической дидактики) // Полис. 1996. № 5. С. 136–145.
23. Приходько И. А. Концепция развития гражданского законодательства. Спорные и нерешенные вопросы. М.: Хозяйство и право, 2009. 48 с.
24. Дилигенский Г. Г. В поисках смысла и цели: проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М.: Политиздат, 1986. 255 с.
25. Радченко О. Е., Емельянова Н. Е., Пищулина Е. С., Калининченко С. С. Роль социального бессознательного в формировании толерантности личности // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 148–152.
26. Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное. СПб.: Питер, 2005. 267 с.
27. Анциферова Т. Н. Массовое бессознательное как фактор социальных изменений // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3-4. С. 163–165.
28. Лакан Ж. Семинары. Образования бессознательного (1957-1958). Книга 5. М. Гнозис — Логос. 2002. 599 с.
29. Жеребкина И. Женское политическое бессознательное. СПб.: Алетейя, 2002. 224 с.
30. Jameson F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1981. 305 p.
31. Урузбакиева Ф. К. «Новая» герменевтика Фредерика Джеймсона / Россия — Запад — Восток: компаративные проблемы современной философии. 2004. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/uzurbakieva/russia_14.html (дата обращения: 25.11.2014).
32. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
33. Satiels A. The Political Psyche. London: Routledge, 1993.
34. O'Connor K. J. e-Study Guide for: Play Therapy Theory and Practice: Comparing Theories and Techniques. URL: <https://books.google.ru/books?id=czbF8zszWt8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 19.11.2015).
35. Бозаджиев В. Л. Политическое мышление и политическое воображение как компоненты политической психики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 212–214.
36. Храпов С. А. Трансформация общественного сознания в социокультурном пространстве постсоветской России: дис. ... докт. филос. наук. М., 2011. 304 с.

References

1. Demidov A. I., Fedoseev A. A. *Osnovy politologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of Political Science]. Moscow, Vysshaya shkola, 1995. 271 p. (In Russian)
2. *Ovshchaia i prikladnaia politologiya: ucheb. posobie* [General and Applied Political Science: Textbook]. Eds V. I. Zhukova, B. I. Krasnova Moscow, Mosk. gos. sotsial'nyi un-t; Soiuz Publ., 1997. 992 p. (In Russian)
3. Farthing G. W. *The Concept of Consciousness*. Available at: <http://www.smccd.edu/accounts/larson/psyc390/Docs/Concept%20of%20Consc%20Ch%201.pdf> (accessed 17.12.2014).

4. *Politicheskii protsess: osnovnye aspekty i sposoby analiza. Sb. uchebnykh materialov [The Political Process: The Main Aspects and Methods of Analysis: Collection of Educational Materials]* Ed. by Meleshkina E. Iu. Moscow, Izd. Dom «NFRA-M»; Ves' Mir Publ., 2001. 304 p. (In Russian)
5. Polivaeva N. P. *Politicheskoe soznanie v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva*. Authoref. Diss. dokt. polit. nauk [*Political Consciousness in the Transformation of Russian Society*. Thesis of Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2009. 462 p. (In Russian)
6. *Politologiya: entsiklopedicheskii slovar' [Political Science: Collegiate Dictionary]*. Ed. by Iu. I. Aver'ianov. Moscow, Mosk. kommerch. un-t, 1993. 431 p. (In Russian)
7. Smolina Iu. V. *Totalitarnoe politicheskoe soznanie*. Authoref. Diss. cand. polit. nauk [*Totalitarian Political Consciousness*. Thesis of PhD polit. sci. diss.]. Rostov n/D., 2003. 144 p. (In Russian)
8. Rubtsova M. V., Mart'ianov D. S., Mart'ianova N. A. Professional'nye i ekspertnye soobshchestva kak sub"ekty upravleniia v kontekste obshchestva znaniia [Professional and Expert Communities as Subjects of Management in the Context of the Knowledge Society and Deprofessionalization]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12*, 2013, no. 1, pp. 69–74. (In Russian)
9. Brubeiker R. *Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]*. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 408 s. (In Russian)
10. Popova O. V. *Politicheskaiia identifikatsiia v usloviakh transformatsii obshchestva [Political Identity in the Transformation of Society]*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002. 258 p. (In Russian)
11. Khrapov S. A. Individual'noe i obshchestvennoe soznanie: gnoseologicheskie i ontologicheskie aspekty vzaimodeistviia [Individual and Social Consciousness: The Epistemological and Ontological Aspects of Interaction]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Filosofia. Sotsiologiya. Pravo» [Scientific Statements Belgorod State University. Ser.: Philosophy. Sociology. Right]*. 2009, no. 8, pp. 200–206. (In Russian)
12. Nugaev R. M. *Sotsial'noe bessoznatel'noe v strukture obshchestvennoi ideologii [Public Unconscious in the Structure of Social Ideology]*. Moscow, Rossiiskii un-t kooperatsii, 2008. 208 p. (In Russian)
13. Carruthers P. *Phenomenal Consciousness*. Cambridge (MA), Cambridge University Press, 2000. 368 p.
14. Gennaro R. J. *Consciousness. Internet Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <http://www.iep.utm.edu/consciou/> (accessed 12.12.2014).
15. Nagel T. What is it like to be a Bat? *Philosophical Review*. 1974. 83, pp. 435–456.
16. Block N. On a Confusion about the Function of Consciousness. *Behavioral and Brain Sciences*. 1995. 18, pp. 227–247.
17. Borisenkov A. A. Osobnosti politicheskogo razvitiia [Features Political Development]. *NB: Filosofskie issledovaniia*. 2013, no. 6, pp. 171–198. Available at: http://e-notabene.ru/fr/article_227.html (accessed 10.06.2014). (In Russian)
18. Mart'ianov D. S. Virtual'nye ideologii i krizis ideologii v informatsionnom obshchestve [Virtual Ideologies and Crisis of Ideologies in Information Society]. *Uchen. zap. Zabaikal'sk. gos. humanitarn. pedagogich. un-a im. N. G. Chernyshevskogo (Chita). Ser. Filosofii, sotsiologii, kul'turologiia, sotsial'naia rabota [Scientific Notes of Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named Chernyshevsky (Chita) Ser. Ghilosophy, sociology, cultural studies, social work]*, 2013, no. 4, pp. 77–83. (In Russian)
19. Baranov N. A. Transformatsiia politicheskogo soznaniia sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Transformation of Political Consciousness of Modern Russian Society]. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEX]*, 2007, vol. 3, no. 1, pp. 82–98. (In Russian)
20. Amirov D. Iu. *Sotsial'no-filosofskii analiz obydennogo politicheskogo soznaniia*. Authoref. Diss. kand. filos. nauk [*Social-philosophical Analysis of Everyday Political Consciousness*. Thesis of PhD philos. sci. diss.]. Nevinomysk, 2010. 175 p. (In Russian)
21. Susloparov A. G. *Mesto i rol' politicheskoi kul'tury v sisteme politicheskogo soznaniia*. Authoref. Diss. kand. filos. nauk [*Place and Role of Political Culture in the Political Consciousness*. Thesis of PhD philos. sci. diss.]. Irkutsk, 1995. 155 p. (In Russian)
22. Shcherbinin A. I. *Vkhozhdenie v politicheskii mir (teoretiko-metodologicheskie osnovaniia politicheskoi didaktiki) [Entering the Political World (The Theoretical and Methodological Foundations of Political Didactics)]*. *Polis [Polis]*, 1996, no. 5, pp. 136–145. (In Russian)
23. Prikhod'ko I. A. *Kontseptsii razvitiia grazhdanskogo zakonodatel'stva. Spornye i nereshennye voprosy [Concept of Civil Law. Contentious and Unresolved Issues]*. Moscow, Khoziaistvo i pravo Publ., 2009. 48 p. (In Russian)
24. Diligenskii G. G. *V poiskakh smysla i tseli: problemy massovogo soznaniia sovremennogo kapitalisticheskogo obshchestva [In Search of Meaning and Purpose: The Problem of Mass Consciousness of Modern Capitalist Society]*. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 255 p. (In Russian)

25. Radchenko O. E., Emel'ianova N. E., Pishchulina E. S., Kalinichenko S. S. Rol' sotsial'nogo bessoznatel'nogo v formirovanii tolerantnosti lichnosti [Role of the Unconscious in the Formation of Social Tolerance of the Person]. *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2008, no. 6, pp. 148–152. (In Russian)
26. Sikevich Z. V., Krokinskaia O. K., Possel' Iu. A. *Sotsial'noe bessoznatel'noe* [Social Unconscious]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 267p. (In Russian)
27. Antsiferova T. N. Massovoe bessoznatel'noe kak faktor sotsial'nykh izmenenii [Mass Unconscious as a Factor of Social Change]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2009, no. 3–4, pp. 163–165. (In Russian)
28. Lakan Zh. *Seminary. Obrazovaniia bessoznatel'nogo (1957–1958)* [The Seminar. Book V. The Formations of the Unconscious (1957–1958)]. Kniga 5. Moscow, Gnozis — Logos Publ., 2002. 599 s. (In Russian)
29. Zherebkina I. *Zhenskoe politicheskoe bessoznatel'noe* [Women's Political Unconscious]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2002. 224 p. (In Russian)
30. Jameson F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca (NY), Cornell University Press, 1981. 305 p.
31. Uruzbakieva F. K. «Novaia» germenevtika Frederika Dzheimisona [“New” Hermeneutics of Fredric Jameson]. *Rossiiia — Zapad — Vostok: komparativnye problemy sovremennoi filosofii* [Russia — East — West: Comparative Problems of Modern Philosophy]. 2004. Available at: http://anthropology.ru/ru/texts/uzurbakieva/russia_14.html (accessed 25.11.2014). (In Russian)
32. Ol'shanskii D. V. *Osnovy politicheskoi psikhologii* [Foundations of Political Psychology]. Ekaterinburg, Delovaia kniga Publ., 2001. 496 p. (In Russian)
33. Samuels A. *The Political Psyche*. London: Routledge, 1993.
34. O'Connor K. J. *e-Study Guide for: Play Therapy Theory and Practice: Comparing Theories and Techniques*. Available at: <https://books.google.ru/books?id=czbF8zszWt8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 19.11.2015).
35. Bozadzhiev V. L. Politicheskoe myshlenie i politicheskoe voobrazhenie kak komponenty politicheskoi psikhiki [olitical Thinking and Political Imagination as Components of the Political Psyche]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovani* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2014, no. 4, pp. 212–214. (In Russian)
36. Khrapov S. A. *Transformatsiia obshchestvennogo soznaniia v sotsiokul'turnom prostranstve postsovetskoi Rossii*. Authoref. diss. dokt. filos. nauk [Transformation of the Public Consciousness in the Socio-cultural Environment of Post-Soviet Russia. Thesis of Dr. philos. sci. diss.]. Moscow, 2011. 304 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 23 марта 2015 г.